

человѣка — сердца. Это явственно видно въ современномъ романѣ. Остается интеллектуальная жизнь и жизнь чувственная, sensation, но нѣтъ жизни эмоціонально-сердечной. Ея нѣтъ у Пруста, у А. Жида. Это огромное различіе съ XIX в. Но какъ понять отношеніе эмоціональной жизни и духа? Это основной вопросъ. Для Кейзерлинга эмоціональная жизнь вкоренена въ bas-fond, а не въ духѣ, она отъ земли, отъ ея темныхъ нѣдръ. Что-то тутъ остается неяснымъ и нерѣшеннымъ, можетъ быть для Кейзерлинга и неразрѣшимымъ. Это связано съ тѣмъ, что проблема Бога совсѣмъ не ставится и остается неизвѣстнымъ, имѣетъ ли міръ смыслъ. Кейзерлингъ признаетъ феноменъ вѣры. Но для него важна сама вѣра, вѣра безъ гарантій, а не объектъ вѣры. Книга, очень мрачная и пессимистическая въ началѣ, кончается мажорными тонами, она хочетъ привести къ радости. Въ ней есть что-то освобождающее. Но откуда познаніе Кейзерлинга, возвышающее его надъ inferнальнымъ мракомъ и ужасомъ? Откуда вѣра въ возможность радости? Тутъ мы переходимъ за предѣлы этой блестящей книги.

Николай Бердяевъ

Н. А. Сетницкій. О конечномъ идеале. 1932 г.

Книга издана въ Харбинѣ, гдѣ начали переиздавать «Философію общаго дѣла» Н. Ѳ. Ѳедорова и гдѣ печатались произведенія Ѳедоровцевъ. Изъ Ѳедоровской литературы книга Н. А. Сетницкаго быть можетъ наиболѣе интересная и значительная. Въ ней есть сосредоточенность и цѣльность. Поразительна судьба Н. Ѳедорова. Долгое время на него совсѣмъ не обращали вниманія, его не знали и не цѣнили. Лѣтъ двадцать тому назадъ появилось, кажется, двѣ всего статьи, въ томъ числѣ моя, въ которыхъ была дана очень высокая оцѣнка Н. Ѳедорову. Теперь уже существуетъ цѣлое Ѳедоровское теченіе, Н. Ѳедоровъ оказался соотвѣтствующимъ какимъ-то запросамъ эпохи. Но Н. Ѳедоровъ сталъ популяренъ не въ эмиграціи, онъ популяренъ въ совѣтской Россіи и на Дальнемъ Востокѣ. Н. Сетницкій — одинъ изъ главныхъ представителей этого теченія и по немъ можно судить о томъ, какъ преломились Ѳедоровскія идеи въ новую эпоху, въ эпоху совѣтскую и техническую по преимуществу. У Н. Сетницкаго ослаблены элементы религіозно-традиціоналистическія, народническо-славянофильскіе и патріархально-родовые, которые сильны были у самаго Н. Ѳедорова. Книга Н. Сетницкаго, конечно, мало общаго имѣетъ съ идеологіей матеріалистическаго коммунизма и даже борется съ ней, не называя ее по имени, но въ ней есть что-то совѣтское, очень современное, есть крайній актуализмъ, социальность, исключительная обращен-

ность къ будущему. Въ дѣятельности Госплана Н. Сетницкій готовъ видѣть шаги къ осуществленію «проекта» Н. Ѳедорова. Внутренно я вижу большое отличіе отъ Н. Ѳедорова. Паеосъ Н. Ѳедорова былъ прежде всего связанъ съ отношеніемъ къ умершимъ отцамъ, съ сыновней обязанностью ихъ воскресенія. Паеосъ Н. Сетницкаго есть прежде всего паеосъ строительства и регуляціи мірового хаоса, онъ обращенъ болѣе къ будущему, къ сыновьямъ, чѣмъ къ прошлому, къ отцамъ. Вся книга проникнута вѣрой въ могущество человѣка, въ его активное призваніе къ устроенію міровой жизни. Это положительная сторона книги. Чувствуются иногда остатки славянофильскихъ предразсудковъ по отношенію къ западному христіанству. Но родовой натурализмъ въ значительной степени преодолевается. Книга въ большей своей части есть опытъ толкованія апокалипсиса. Это толкованіе такъ же произвольно и условно, какъ и всѣ толкованія апокалипсиса. Но многое заслуживаетъ тутъ принципиальнаго сочувствія. Н. Сетницкій очень вѣрно устанавливаетъ отличіе пророчества отъ предсказанія. Пророчество не есть предсказаніе неотвратимаго, детерминированнаго, фатальнаго будущаго. Пророчество есть всегда также призывъ къ активному созиданію будущаго, раскрытіе путей, по которымъ долженъ идти человѣкъ. Вслѣдъ за Н. Ѳедоровымъ Н. Сетницкій даетъ актуальное истолкованіе апокалипсиса, онъ рѣшительно противостоитъ тому пассивному пониманію апокалипсиса, которое преобладало, которое было у Вл. Соловьева и которое отражало упадочныя, идеализирующія смерть настроенія. Соціальную активность христіанства Н. Сетницкій пытается обосновать не на Евангеліи, а на Апокалипсисѣ. Апокалипсисъ получаетъ совершенно соціальное истолкованіе, его символика оказывается соціологической. Н. Сетницкій всегда и во всемъ возстаетъ противъ мистики, какъ противъ источника пассивности человѣка. Онъ проникнуть оптимистической вѣрой въ разумъ, въ организацію, въ науку и технику, въ преодолимость всего ирраціональнаго и темнаго. Конечный идеаль для него вполне осуществимъ. Основной вопросъ, который долженъ быть поставленъ Н. Сетницкому, какъ и самому Н. Ѳедорову, это вопросъ о злѣ. Непонятно, откуда взялось зло, въ чемъ источникъ его силы въ міровой жизни? Для Н. Сетницкаго зло есть не что иное, какъ хаотическія, ирраціональныя, стихійныя силы природы. Но откуда эта хаотичность и ирраціональность природы? Трудно предположить, чтобы для Н. Сетницкаго возможно было эволюціонное объясненіе зла. Поразительно, что онъ совсѣмъ отказывается видѣть въ природѣ и ладъ, красоту, отображеніе божественной премудрости, природа для него исключительно объектъ регуляціи, организаціи, рационализаціи, къ ней возможно лишь активное

отношеніе, но совершенно невозможно отношеніе созерцательное. Въ этомъ міросозерцаніи совсѣмъ нѣтъ космологіи, проблема природы есть лишь проблема техники. Но сила техники въ тоже время есть проблема космогоническая. Еще болѣе важно отсутствіе у Н. Сетницкаго, какъ и вообще у Федоровскаго направленія, сколько-нибудь выработанной антропологіи, философскаго и религіознаго ученія о человѣкѣ, которое оправдывало бы такую вѣру въ активность и могущество человѣка. Нѣтъ ученія о личности. Остается неяснымъ, какъ и почему человѣкъ со всѣхъ сторонъ окруженный темной, хаотической и ирраціональной природой, которая есть и внутри его самага, въ силахъ побѣдить эту тьму, хаотичность и ирраціональность. Почему разумъ человѣка можетъ побѣдить ирраціональность міровой жизни? Въ это вѣрятъ и марксисты-ленинисты, но потому только, что они вносятъ гегелевскій панлогизмъ въ матерію, приписываютъ матеріи имманентный логосъ. Отъ отвѣта на основной вопросъ о злѣ, объ ирраціональности міра и объ источникахъ силы человѣка зависитъ самое главное для федоровскаго настроенія— побѣда надъ смертью активностью человѣка. Самъ я увѣренъ въ томъ, что побѣда надъ смертью невозможна безъ соучастія человѣка, безъ активности человѣка, что это дѣло бого-человѣческое. Но по нѣкоторымъ мѣстамъ книга Н. Сетницкаго можно заключить, что для него Христосъ только показалъ примѣръ воскресенія, побѣды надъ смертью, за которымъ должны послѣдовать другіе люди. Сводитъ къ этому христіанскую мистерію значить отрицать тайну креста и распятія, тайну Голгофы. Христосъ смертью смертью поправилъ, онъ побѣдилъ смертью вольнымъ ея принятіемъ и воскресеніемъ. Поэтому христіанству свойственно двойное отношеніе къ смерти. Но Н. Сетницкій повидимому не хочетъ никакихъ тайнъ и мистерій. Побѣда надъ смертью превращается прежде всего въ техническую (въ широкомъ смыслѣ) проблему. Въ книгѣ недостаточно говорится о двойственности техники и объ обостреніи техникой вопроса о духовномъ устроеніи человѣка. Мы знаемъ, какъ отстала техника медицинская отъ техники истребленія. Типъ міросозерцанія представленнаго Н. Сетницкимъ есть типъ социологическаго міросозерцанія, въ немъ социологія преобладаетъ надъ антропологіей и космологіей. И все-таки книга «О конечномъ идеале» представляется мнѣ интересной по своей проблематикѣ, она есть шагъ впередъ въ христіанскомъ ученіи объ активномъ призваніи человѣка.

Николай Бердяевъ.